

Д. А. Шаманин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: daniil2002324@gmail.com

Наборные пояса тюркского типа в материальной культуре бохайских мохэ в Западном Приамурье

В статье приведены результаты анализа поясных наборов и их отдельных элементов, имеющих центральноазиатское (тюркское) происхождение, в материалах троицкой группы мохэской археологической культуры (бохайских мохэ) – середина VIII – XII в. Находки представлены отдельными элементами поясных гарнитур, изготовленными из бронзы (редко – с позолотой): бляшками-оправами, пряжками, наконечниками ремней и подвесных ремешков, накладными бляшками для подвесных ремешков, а также тройниками-распределителями саадачных (стрелковых) поясов. Выявленные типы изделий распространяются на обширных территориях евразийской степи в основном с середины VIII в., что позволяет достаточно точно маркировать время появления бохайских мохэ в Западном Приамурье. Особое внимание уделено выявлению символического значения наборных поясов в культуре бохайских мохэ. Влияние на данный элемент культуры оказывали две традиции: тюркская и Танская. Факт восприятия наборного пояса в качестве обязательного атрибута государственной службы (такое наблюдается и у тюркоязычных народов, и в Китае) объединяет эти разные традиции функционирования пояса как символа власти. Такое синкретическое символическое значение наборный пояс имел у населения государства Бохай, а, следовательно, и у бохайских мохэ, мигрировавших в середине VIII в. в Западное Приамурье.

Ключевые слова: мохэская археологическая культура, троицкая группа, бохайские мохэ, древние тюрки, эпоха Тан, наборные пояса.

D. A. Shamanin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: daniil2002324@gmail.com

Composite Belts of the Turkic Type in the Bohai Mohe Material Culture in the Western Amur Region

The author presents the results of the analysis of composite belts and their particular elements of Central Asian (Turkic) origin in the materials of the Troitsky group of the Mohe archaeological culture (Bohai Mohe) adted in the range of mid- 8th – 12th centuries. The collection includes elements of composite belts made of bronze (rarely gilded): frame plaques, buckles, belt tips and suspension straps, on-laid plaques for straps, and triple strap dividers for shooting belts. The identified types of products were typical for vast territories of the Eurasian steppe mainly since the middle of the 8th century, which makes it possible to accurately mark the time of the arrival of Bohai Mohe in the Western Amur region. Special attention is paid to the interpretation of the symbolic meaning of the composite belts in the culture of the Bohai Mohe. This element of culture was influenced by two traditions: Turkic and Tang. The fact that the belt is perceived as an obligatory attribute of public service (this is characteristic of both the Turkic-speaking peoples and Tang people in China) unites these distinct traditions of the belt usage as a symbol of power. The composite belt had this syncretic symbolic meaning among the population of the state of Bohai, and, consequently, among the Bohai Mohe, who migrated to the Western Amur region in the middle of the 8th century.

Keywords: Mohe archaeological culture, Troitsky group, Bohai Mohe, ancient Turks, Tang epoch, composite belts.

Введение

В материалах троицкой группы мохэской археологической культуры (середина VIII – XII в.), сформировавшейся в результате миграции бохайских мохэ

в Западное Приамурье, имеется большое количество предметов центральноазиатского (тюркского) происхождения, одним из которых является поясная гарнитура. Отмечается, что именно бохайские мигранты впервые принесли тюркские изделия в регион, по-

скольку в материалах найфельдской группы мохэской культуры, носители которой прибыли в Зейско-Буреинский регион в начале VIII в., подобные артефакты единичны, в то время как в аборигенной михайловской культуре они пока вовсе не обнаружены [Нестеров, 1998, с. 100–101]. Выделяются среди этого комплекса инокультурных компонентов т.н. символы власти – артефакты (в данном случае: наборные пояса), визуально оформляющие властные отношения, как потестарного, так и формально-должностного характера. Изучение культурного контекста функционирования данных предметов (их значения в культуре бохайских мохэ) позволит выявить этнокультурные контакты мигрировавшего населения и дополнить знания о социально-политическом устройстве этого общества.

Изучение этнокультурных связей средневековых племен Дальнего Востока с народами Центральной Азии имеет многолетнюю историю. Во многих работах по археологии рассматривается проблема взаимодействия мохэ, бохайцев и чжурчжэней с древними тюрками, уйгурами и кыргызами. В материальной культуре тунгусо-маньчжурских народов зафиксировано наличие центральноазиатской/тюркской поясной гарнитуры, элементы конского снаряжения, вооружения, украшений (серьги), некоторых типов орнамента на сосудах (разомкнутый валик со свисающими вниз «усами»), а также элементов погребального обряда (в конструкции могильных сооружений; использование огня). В концептуальном плане исследователи выдвигали различные версии. Так, присутствие схожих вещей и общие черты в погребальном обряде Е. И. Деревянко связывала с взаимной инфильтрацией тунгусо-маньчжуров и древних тюрков [1977, 1978]. Ю. М. Васильев же считал, что поясные наборы тюркского типа появляются в покровской культуре (ранним этапом которой является троицкая группа) под влиянием общевразийской моды и существуют как анахронизм [1990, с. 122, 144, 145]. Подобного взгляда придерживается и О. В. Дьякова, считая, что тюркские пояса, монгольские стрелы и пр. – это маркеры эпохи, распространяющиеся на широкие территории [2014, с. 32]. Наличие центральноазиатского компонента в культуре амурских чжурчжэней В. Е. Медведев связывает с большим влиянием уйгуров во второй половине IX – первой половине X в., а позднее и кыргызов [2019, с. 455]. Г. Г. Король и О. Б. Наумова, изучая художественный металл у кочевников Центральной Азии рубежа I – II тыс., отмечают, что наличие изделий центральноазиатского/тюркского типа в Приамурье и Приморье связано в целом влиянием тюркоязычных народов, осуществлявшимся различными способами: непосредственный контакт во время войн или переселений; опосредовано через производителей торевтики малых форм [Король, Наумова, 2017, с. 58]. Что касается Западного Приамурья, то С. П. Нестеров отмечал,

что предметы тюркского облика появляются здесь с миграцией в середине VIII в. представителей троицкой группы мохэ (бохайских мохэ), т.е. комплекс артефактов имеет южноманьчжурское происхождения [1998, с. 101–102]. Стоит отметить, что поясная гарнитура рассматривалась в работах в рамках всего комплекса изделий тюркского облика в культурах раннесредневековых тунгусо-маньчжурских народов, но не становилась объектом специального исследования [Деревянко, 1978; Нестеров, 1998, с. 100–103].

Анализируемый в статье комплекс артефактов представлен всеми известными на данный момент находками поясных наборов и их элементов из памятников троицкой группы мохэской археологической культуры в Западном Приамурье (всего – 87 экз.). Большая часть из них опубликована [Деревянко Е. И., 1977; 1978; Деревянко А. П. и др., 2010; Волков и др., 2019]. Однако, например, в процессе актуальной музейной работы с археологической коллекцией Троицкого могильника был обнаружен комплект из 13 бляшек-оправ тюркского типа, найденных в погр. 122 [Шаманин, 2026].

Материалы

Поясная гарнитура центральноазиатского/тюркского облика является одним из наиболее распространенных инокультурных компонентов в материальной культуре бохайских мохэ в Западном Приамурье [Государство Бохай..., 1994, рис. 14, 18; Деревянко, 1978, с. 124–125; Кубарев, 2005, с. 55; Нестеров, 1998, с. 100]. Больше всего подобных артефактов содержат материалы Троицкого могильника (72 экз.), являющегося одним из наиболее крупных известных могильников троицкой группы мохэ, также имеются находки на Усть-Ивановском могильнике (5 экз.) и поселении Осинное озеро (10 экз.) [Волков и др., 2019, с. 125; Деревянко Е. И., 1977, с. 123–126; Деревянко А. П. и др., 2010]. Эти находки зачастую представлены отдельными элементами наборного пояса, изготовленными из бронзы (иногда с позолотой): бляшками-оправами (25 экз.), пряжками (7 экз.), наконечниками ремней и подвесных ремешков (19 экз.), накладными бляшками для подвесных ремешков (32 экз.), а также тройниками-распределителями саадачных (стрелковых) поясов (4 экз.).

В материалах троицкой группы мохэской культуры выделяется несколько типов бляшек-оправ (всего – 25 экз.): сегментовидные (рис. 1, 2); квадратные (рис. 1, 1); типа лунниц, с фестончатыми краями (рис. 1, 5); квадратные с фестончатыми краями (рис. 1, 3); порталльной формы (рис. 1, 4).

Чаще всего встречаются сегментовидные (11 экз.) и квадратные (9 экз.) бляшки-оправы с прямоугольной прорезью в нижней части (рис 1, 1–2). Данные типы представлены вариантами как с вертикальным ребром по центру (сегментовидные – 7 экз., квадрат-

Рис. 1. Бляшки-оправы (1–6), пряжки (7–10), наконечники ремней (11) и подвесных ремешков (12–16) наборных поясов троичской группы из Музейного фонда ИАЭТ СО РАН (1, 2, 5 – МИКНС ВХ 667/4, 3 – ОФ 2894, 4 – ОФ 5082/4, 11 – ОФ 2898/1, 14 – ОФ 4840/4, 15 – ОФ 2895, 16 – ОФ 2890/1) и Музейного фонда ГБУ АО «АОКМ» (6 – АОМ 10552/61, 7 – АОМ 10552/56, 8 – АОМ 10552/74, 9 – АОМ 10723/38, 10 – АОМ 10552/49, 12 – АОМ 10723/28, 13 – АОМ 10552/68).

ные – 4 экз.), так и без него (сегментовидные – 4 экз., квадратные – 5 экз.). С обратной стороны у них было 2–4 шпенька для крепления к основе. Наборные пояса, состоявшие из сегментовидных и квадратных бляшек-оправ, являлись наиболее распространенными в древнетюркскую эпоху (с середины VII – VIII/IX вв.) не только в географическом, но и в количественном плане, что, по мнению авторов, неслучайно совпадает с периодом существования Второго Тюркского каганата [Добжанский, 1990, с. 37–39; Кубарев, 2005, с. 54; Овчинникова, 1990, с. 31–32]. Именно эти поясные наборы зачастую изображались на каменных изваяниях и настенной живописи [Добжанский, 1990, табл. XLI–XLVI; Кубарев, 2005, рис. 5–10]. Упомянутые выше типы бляшек-оправ использовались в поясных наборах в сочетании с бляхами типа лунниц и сердцевидными бляхами [Добжанский, 1990, с. 39; Кубарев, 2005, рис. 12, 1–3, рис. 13, 1; Овчинникова, 1990, с. 30–31], подобная комбинация поясных украшений характерна и для Западного Приамурья [Шаманин, 2026, рис. 2]. Сердцевидные бляхи найдены на Троицком (1 экз.) и Усть-Ивановском (2 экз.) могильниках (рис. 1, 6), бляхи типа лунниц (2 экз.), но несколько иной формы – подтреугольной с фестончатыми краями и овальной прорезью (рис. 1, 5), – зафиксированы в составе поясной гарнитуры из погр. 122 [Волков и др., 2019, табл. 15, 8, табл. 29, 12; Деревянко, 1977, табл. XV, 4, табл. XXXVIII; Шаманин, 2026, рис. 2].

Только в коллективном погр. 122 Троицкого могильника у второго костяка был выявлен наиболее полный поясной набор, состоявший из 13 бляшек-оправ: 7 сегментовидных, 4 квадратных и 2 небольших подтреугольных с фестончатыми краями. Невоз-

можно точно заключить были ли они прикреплены к поясу или же помещены в могилу по отдельности, поскольку были найдены в разрозненном состоянии у фрагментов трубчатых костей (предположительно кости ног) в южной половине могилы [Шаманин, 2026, с. 38, рис. 1–2].

Поясные наборы этого типа (как в погр. 122 Троицкого могильника) встречаются на памятниках бохайской культуры в Маньчжурии и Приморье, амурских чжурчжэней в Восточном Приамурье. Так, в захоронении 16 могильника Шаньцзюйцзы (уезд Хайлинь, провинция Хэйлунцзян) в области таза погребенного зафиксирован наборный пояс, состоявший из 10 бронзовых бляшек с гладкой поверхностью – 3 квадратных и 7 сегментовидных. Рядом с поясом были найдены фрагменты верительной бирки (бляшки-звенья, фестончатые бляшки с рамкой, пряжка) [Сунь Сужэнь, Цзинь Тайшунь, 2012, рис. 6]. Еще два наборных пояса обнаружены на могильнике Хэлун (пров. Цзилинь) в погребениях 73М28 и 88М9, причем важно отметить, что другого инвентаря в них не было. Первый (бронзовый) состоял из 12 бляшек (4 квадратных, 8 сегментовидных), пряжки и наконечника, второй (бронзовый с позолотой) – из 11 бляшек (4 квадратных, 7 сегментовидных) и пряжки [У Сун, 2019, с. 191–192]. Подобные бляшки-оправы известны и на поселенческих памятниках Бохая [Сун Юйбинь и др., 2013, с. 153–155, 170, 190, 217, 254]. В Восточном Приамурье на Корсаковском могильнике в погр. 285 также был найден наборный пояс из 8 позолоченных, бронзовых бляшек «тюркского типа» (3 квадратных, 5 сегментовидных) и 3 ажурных бляшек «амурского типа» [Медведев, 1982, с. 182].

Еще два типа бляшек-оправ найдены в 1–2 экз. на Троицком могильнике. Так, в секторе Г, кв. 8–М и секторе В, кв. 19–Л (раскопки 1969 г.) были найдены две квадратные бляхи с фестончатыми краями, прямоугольной прорезью для подвесного ремешка в нижней части и ребром по центру (рис. 1, 3) [Деревянко, 1977, табл. XIV, 3, XX, 13]. Подобные бляшки-оправы, но с ровным верхним и нижним краями и без прорези, встречены в составе комбинированного поясного набора из погр. 278 Корсаковского могильника [Медведев, 1982, с. 209].

Бляшка-оправа портальной формы с прямоугольной прорезью и ребром по центру (рис. 1, 4) была зафиксирована в погр. 224 Троицкого могильника. Бляхи данного типа известны по материалам селемджинского клада (в составе пояса с подвесными ремешками) [Нестеров, Максимов, 1990, рис. 1], еще одна найдена на могильнике Чалиба в погребении, датированном радиоуглеродным методом – 619–626 гг. [Нестеров, Алкин, 1999, с. 171, рис. 7]. Многочисленны находки порталных бляшек-оправ на погребальных памятниках древних тюрков [Добжанский, 1990, табл. XXX, 5; Кубарев, 2005, с. 49–50].

Находки пряжек ремней на памятниках троической группы немногочисленны – всего 7 экз., с Троицкого (5 экз.) и Усть-Ивановского (2 экз.) могильников. Изделия имели разнообразный по форме (с фестончатым краем, трапецевидный, овальный) щиток, который имел шпеньки для соединения с ремнем (рис. 1, 7–10). Существовало два варианта соединения щитка и рамки: подвижный (щиток крепился на той же оси, что и язычок) и неподвижный. Многие пряжки имеют прямые аналогии в материалах центральноазиатского облика [Волков и др., 2019, с. 125; Деревянко, 1977, с. 118–119; Сун Юйбинь и др., 2013, с. 64–67, 156–157].

Наконечники ремней (3 экз.) и подвесных ремешков (16 экз.) различаются размерами (первые несколько крупнее) и способом крепления.

Наремненные наконечники (3 экз.), обнаруженные в погр. 80 Троицкого могильника, были двойными (состояли из двух пластин) и имели округлый нижний и прямой верхний края, а к ремню крепились с помощью штифтов, которые располагались на лицевой пластине (рис. 1, 11) [Деревянко, 1977, табл. XXXI, 20, 22, 23]. Подобные простые по форме, неорнаментированные наконечники ремней были широко распространены и активно использовались в поясных наборах с квадратными и сегментовидными бляшками-оправами [Добжанский, 1990, с. 38–39; Кубарев, 2005, с. 48, 49; Овчинникова, 1990, с. 34–35].

Коллекция наконечников подвесных ремешков более разнообразна и насчитывает 16 экз., разделенных на 3 типа, с Троицкого могильника и поселения Осиновое озеро [Деревянко, 1977, с. 124; Нестеров, Савин, Колмогоров, 2016, рис. 8–9]. Чаще всего встречающимся типом являются неорнаментированные

наконечники с прямым верхним и округлым нижним концами (10 экз.), к ремешкам они крепились с помощью штифтов, количество которых варьировалось от размеров изделия от 2 до 3 (рис. 1, 12). Следующий тип наконечников отличается фестончатыми краями и представлен 4 экз. различных размеров (рис. 1, 13–15). Наконечники этих двух типов были распространены в VIII–IX вв. на обширных территориях евразийской степи [Деревянко, 1977, с. 125, 143; Кубарев, 2005, с. 49]. Наконечники третьего типа (2 экз.) были найдены в погребении в секторе Г, кв. 14–Л (раскопки 1969 г.), имели прямой верхний и округлый нижний конец и выделялись ажурным растительным орнаментом, который был представлен композицией, состоящей из 2 изгибающихся стеблей с перевязкой в виде полосы (рис. 1, 16). Такой вид орнаментации изделий господствовал в эпоху раннего Средневековья у древних тюрков и благодаря им получил максимальное распространение [Добжанский, 1990, табл. XXVI–XXVII; Кубарев, 2005, с. 130; Лю Юнхуа, 2003, рис. L, 10; Медведев, 1982, с. 131; Овчинникова, 1990, рис. 23]. Подобные наконечники подвесных ремешков найдены на бохайских памятниках Маньчжурии и Приморья [Нестеров, Алкин, 1999, рис. 7, 2, 3; Сун Юйбинь и др., 2013, с. 155, 157].

Наиболее представительно в материалах троической группы (на Троицком могильнике – 25 и Осиновом Озере – 7) коллекция накладных бляшек подвесных ремешков (32 экз.).

Первая и самая многочисленная группа (15 экз.) – бляшки, найденные в погребениях Троицкого могильника, в виде пятиугольной пластины с вогнутыми боковыми сторонами, шаровидным отростком на одной из вершин и многолепестковой выпуклой розеткой в центре (рис. 2, 1) [Деревянко, 1977, с. 119, табл. XLVII, 1–3]. Аналогии находятся в древнетюркских погребениях Тувы [Добжанский, 1990, табл. XXX, 3]. Вторая группа (4 экз.), также из материалов Троицкого могильника, – узкие прямые со скругленными концами и круглой петлей для нашивки (рис. 2, 3) [Деревянко, 1977, табл. L, 12–13]. Еще одна группа представлена 5 фестончатыми бляшками, обнаруженными при раскопках жилища 2 поселения Осиновое Озеро, для закрепления на ремешке у них имелись 4 шпенька (рис. 2, 2). С. П. Нестеров относит данные бляшки к элементам тюркского/уйгурского наборного пояса, в т.ч. благодаря изучению химического состава металла [Король, Наумова, 2017, с. 55–56; Нестеров, Савин, Колмогоров, 2016, с. 88]. Уникальной является трехконцевая бляшка, имеющая 3 отверстия для крепления в центральной части, – Е. И. Деревянко отмечает схожесть формы и орнамента изделия с головой быка (рис. 2, 6) [1977, с. 120, табл. II, 3]. Накладная бляшка в форме головы быка, но несколько иной формы, была найдена на одном из подвесных ремешков прекрасно сохранившегося пояса из кург. 13 Юстыда XXIV – Г. В. Кубарев предполагает,

Рис. 2. Накладные бляшки для подвесных ремешков (1–6) и тройники-распределители саадачных (стрелковых) поясов (7, 8) тройцкой группы из Музейного фонда ИАЭТ СО РАН.

1, 3 – МИКНС ВХ 667; 2 – ОФ 4840/65; 4 – ОФ 4840/67; 5 – ОФ 2871; 6 – ОФ 2869; 7 – ОФ 2889/1; 8 – ОФ 2870.

что владелец пояса тем самым хотел показать свое уйгурское происхождение (поскольку уйгуры вели свой род от быка) [2005, с. 55].

Среди накладных бляшек подвесных ремешков выделяются фигурные изделия (рис. 2, 4–5). Е. И. Деревянко называет эту форму – трилистником. Три экз. найдены на Троицком могильнике, 2 – в жилище 2 Осинового озера [Деревянко, 1977, табл. III, 8, табл. XLVII, 5, 6; Нестеров, Савин, Колмогоров, 2016]. Подобные изделия хотя по составу металла и близки мохэским, но их форма – скорее тюркская. В погребальном инвентаре кург. 2 могильника Катанда-3 (Горный Алтай), датированном периодом существования Второго Тюркского каганата (682–745 гг.) зафиксированы два изделия подобной формы [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. III].

В этот же раздел можно отнести тройники-распределители саадачных (стрелковых) поясов (3 экз. – Троицкий могильник, 1 экз. – Осинное озеро) – они имели вид кольца, разбитого на три сектора, которые соединены перемычкой в центре, украшенной растительным орнаментом (рис. 2, 7), или же представляли собой кольцообразный железный стержень с двумя сходящимися в центре спиралеобразными изогнутыми вовнутрь концами (рис. 2, 8) [Деревянко Е. И., 1977, табл. III, 7, табл. XXII, 1; Деревянко А. П. и др., 2010, табл. 56, 3]. Согласно реконструкциям, две лопасти соединяли кожаный ремень пояса, а к третьей крепился подвесной портупейный ремень. Места крепления тройников-распределителей к ремням могли украшаться сердцевидными бляхами. Портупей-

ные ремни были необходимы для крепления колчана. По мнению Г. В. Кубарева, наборный пояс и второй, саадачный (стрелковый) пояс могли надеваться вместе, однако чаще всего саадачный пояс использовался только в определенных ситуациях (охота, сражение) и надевался прямо на защитные доспехи [2005, рис. 28, с. 93–95]. Подобные элементы стрелковых поясов также встречаются на памятниках бохайской культуры и амурских чжурчжэней [Медведев, 1982, с. 189].

Результаты и выводы

Фрагментированность поясных наборов (находки их отдельных элементов) в захоронениях также следует связывать с обычаем преднамеренной порчи погребального инвентаря, характерным для тройцкой группы мохэской археологической культуры [Деревянко, 1977, с. 156–157]. Подобный обычай имел место и у древних тюрков [Кубарев, 2005, с. 96].

Контакты бохайских мохэ с тюркоязычными народами (тюрками, уйгурами) могли происходить в южных районах Маньчжурии, на территории государства Бохай. Так, бохайский правитель Да Уи (719–736 гг.) в определенный период своего правления носил титул «генерал-губернатор» девяти уйгурских родов. Еще одним источником тюркского/центральноазиатского влияния на материальную культуру государства Бохай была торговая деятельность согдийцев, активно развивавшаяся в период существования Уйгурского каганата [Государство Бохай, 1994, с. 33, 165]. Более того в северной провинции Танской империи – Хэбэй,

которая территориально близка к Южной Маньчжурии, численность тюркоязычных народов была достаточно значительной: сюда мигрировали значительные группы кочевников в результате политических событий в каганатах древних тюрков и уйгуров на протяжении VI–IX вв. [Камалов, 2017, с. 260].

Пролить свет на то, какую роль играли тюркские поясные гарнитуры в культуре бохайских мохэ, мигрировавших в Западное Приамурье, позволяют сведения о функционировании этих вещей в культуре собственно тюркоязычных народов.

Многие исследователи отмечают, что наборный пояс был одним из главных элементов костюма древних тюрков. В обществе тюркоязычных кочевников этот предмет был своеобразным знаком, подтверждением высокого статуса человека в обществе и ассоциировался, прежде всего, с военной элитой [Добжанский, 1990, с. 77–78; Король, Наумова, 2017, с. 38–39; Кубарев, 2005, с. 48, 56; Овчинникова, 1990, с. 42–44]. В эпитафиях при упоминании пояса внимание уделялось материалам, из которого он был изготовлен (например, золото), и количеству бляшек–оправ. Так, много упоминаний поясов и их элементов содержится в эпитафиях на стелах из Минусинской котловины:

«... Пояс с пятьюдесятью золотыми пряжками я повязал на своей поясице. Я не наслаждался божественным государством...»;

«... Красивое алое знамя государства; я привязал свой золотой пояс у поясицы ...»;

«... Я разлучился с вами моими, с моим государством и с моим ханом. Я разлучился с золотым поясом ...»;

«... На поясе луновидную пряжку мы устроили. Так как у него была доблесть, то у своего хана мой бег, Аза тутук, достиг пряжки (чиновного пояса) ...»;

«... Моя геройская доблесть. Мой пояс с сорока двумя (чиновными) пряжками–украшениями!» [Малов, 1952, с. 17, 26, 46, 95, 96].

Примечательно, что наборный пояс является отражением как социальной, так и политической иерархии в обществе. Также необходимо подчеркнуть, что зачастую упоминание золотого пояса/пряжек стоит в одной строчке с сожалениями о расставании с правителем/ханом и государством. Поясная гарнитура, возможно, являлась атрибутом власти должностного лица – например, тутука. Слово «кур» в древнетюркском языке обозначало как «пояс/круг», так и «положение/степень». У тюркских народов Южной Сибири высокий символический статус пояса сохранился вплоть до этнографического времени: в эпосе при переходе от юношеского к воинскому статусу богатырь получал пояс; пояс был обязательным элементом костюма и играл большую роль в различных обрядах [Львова и др., 1988, с. 183–184].

В VI–X вв. пояса тюркского типа распространяются на обширнейших территориях евразийской степи. В том числе, и в Китае в период Тан в материаль-

ную культуру проникают как тюркские/центральноазиатские поясные гарнитуры, так и развиваются самобытные, состоящие из каменных (яшма, нефрит и пр.) или костяных накладок [Добжанский, 1990, с. 49; Камалов, 2017; Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 155–156; У Сун, 2019, с. 194–196]. Среди знатных китайцев входит в моду носить тюркские одеяния. Этому веянию поддался в т.ч. и танский принц крови Ли Чэнцян [Камалов, 2017, с. 302; У Сун, 2019, с. 195]. «Варварские» пояса с подвесными ремешками известны по настенным росписям гробниц, портретам и различным изображениям, письменным и археологическим источникам [Лю Юнхуа, 2003, рис. I, 1–31; У Сун, 2019, рис. 5, 3]. В Танское время наборный пояс это, прежде всего, атрибут чиновника, часть официального костюма, на который при необходимости навешивали дополнительные знаки отличия (например, верительные бирки) [Шаманин, 2025, с. 225–226]. Китайская традиция характеризует наборный пояс, как непременный элемента костюма государственного служащего. Материал, из которого изготовлены накладные бляшки, показывает ранг должностного лица (золотые накладки для 1–2 ранга, 3–6 ранга из кости носорога, 7–9 ранга – серебряные, простолудины же – железные) [Добжанский, 1990, с. 49; Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 156–157].

Археологические материалы бохайской культуры и троичной группы в Западном Приамурье (бохайских мохэ) содержат большое количество разнообразных элементов наборных поясов тюркского типа. Появление подобных артефактов следует связывать со сложным этнокультурным взаимодействием, происходившим в Южной Маньчжурии, в т.ч. и на территории государства Бохай. С одной стороны, бохайское население активно взаимодействовало с тюркоязычными народами Центральной Азии посредством торговых отношений и в результате различных исторических событий VIII–X вв. (делавших государства тюрков, уйгуров одними из доминирующих в регионе), т.е. поясная гарнитура тюркского облика, как атрибут высокого воинского статуса и положения в обществе, могла заимствоваться непосредственно от носителей/создателей данной традиции. С другой стороны, государственное устройство Бохая было выстроено по танским образцам, в т.ч. Китай оказывал большое влияние и на сферу символического. Многие исследователи отмечают, что тюркский компонент мог быть воспринят тунгусо–маньчжурами (мохэ, бохайцами, чжурчжэнями) опосредовано через Китай [Король, Наумова, 2017, с. 55; Кубарев, 2005, с. 55; У Сун, 2019, с. 198].

Объединяющим эти несколько разные концепции пояса, как символа власти, является факт его восприятия в качестве обязательного атрибута государственной службы (такое наблюдается и у тюркоязычных народов, и в Китае). Возможно, подобное синкретическое символическое значение наборный пояс

имел у населения государства Бохай, а, следовательно, и у бохайских мохэ, мигрировавших в середине VIII в. в Западное Приамурье. Наличие поясных наборов тюркского типа и их элементов в Приамурье в совокупности с находками верительных бирок [Шаманин, 2025], могут свидетельствовать о наличии в регионе, в среде мигрировавших бохайских мохэ должностных лиц/военных представителей государства. Также стоит отметить, что центральноазиатский/тюркский пласт в материалах троичской группы достаточно точно маркирует появление бохайских мохэ в Западном Приамурье во второй половине VIII в., поскольку значительная часть предметов получает распространение в Центральной Азии и Китае с середины VIII в.

Финансирование

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG–2026–0001 «Источниковая база по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: разработка теоретических и прикладных методов изучения».

Список литературы

- Васильев Ю. М.** Поясные наборы покровской культуры как исторический источник // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. – С. 122–146.
- Волков Д. П., Дуань Гуанда, Нестеров С. П., Ван Лэвэнь, Коваленко С. В., Бао Шугуан, Савченко Т. П., Крючко Е. И., Ге Лепин, Шульмин Р. А.** Материалы и исследования Российско-китайской археологической экспедиции. Вып. 1: раскопки Усть-Ивановского могильника мохэ в 2016 году. – Харбин: Изд-во Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2019. – 366 с.
- Государство Бохай** (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. – М.: Наука, 1994. – 219 с.
- Деревянко А. П., Ким Ён Вон, Нестеров С. П., Юн Кван Джин, Ли Гю Хун, Хан Жи Сон, Мыльников Л. Н., Лоскутова Я. Ю., Шеломихин О. А., Пак Джон Сон, Ли Кён Ха.** Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во гос. исслед. Ин-та культурного наследия Респ. Кореи, 2010. – Вып. III: Раскопки раннесредневекового поселения Осинное Озеро в 2009 году. – 318 с.
- Деревянко Е. И.** Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 223 с.
- Деревянко Е. И.** Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен I тыс. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 118–128.
- Добжанский В. Н.** Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1990. – 164 с.
- Дьякова О. В.** Государство Бохай: археология, история, политика. – М.: Наука – Вост. лит., 2014. – 319 с.
- Камалов А. К.** Тюрки и иранцы в Танской империи. – Алматы: МИР, 2017. – 384 с.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.** Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – 336 с.

- Король Г. Г., Наумова О. Б.** Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I–II тыс.). – М.: ИА РАН, 2017. – 128 с.
- Кубарев Г. В.** Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.
- Лю Юнхуа.** Чжунго гудай цзюнь фубу (Военный костюм Древнего Китая). – Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 2003. – 211 с. (на кит. яз.).
- Малов С. Е.** Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.
- Мамадаков Ю. Т., Горбунов В. В.** Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: 1997. – № 2. – С. 164–180.
- Медведев В. Е.** Средневековые памятники острова Уссурийского. – Новосибирск: Наука, 1982. – 216 с.
- Медведев В. Е.** Чжурчжэньская эпоха // История Сибири. Т. 2: Железный век и Средневековье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 451–457.
- Нестеров С. П.** Народы Приамурья в эпоху раннего Средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 184 с.
- Нестеров С. П., Алкин С. В.** Раннесредневековый могильник Чалиба на р. 2-я Сунгари // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 2. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999. – С. 153–176.
- Нестеров С. П., Максимов С. М.** Средневековый клад с р. Селемджи // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: [б. и.], 1990. – С. 121–128.
- Нестеров С. П., Савин А. Н., Колмогоров Ю. П.** Раннесредневековый предметный комплекс ювелира-литейщика из Западного Приамурья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 81–90.
- Овчинникова Б. Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. – 223 с.
- Сун Юйбинь, Ивлиев А. Л., Гельман Е. И., Сэ Фэн, Никитин Ю. Г., Астащенко Е. В.** Бохайские древности из Приморского края России. – Пекин: Вэньу, 2013. – 278 с.
- Сунь Сужэнь, Цзинь Тайшунь.** Хэйлунцзян шэн Хайлинь ши Шаньцзуйцзы Бохай муцзан (Бохайский могильник Шаньцзуйцзы в г. Хайлинь, провинция Хэйлунцзян) // Бэйфан вэньу, 2012. – № 1. – С. 11–26 (на кит. яз.).
- Шаманин Д. А.** Атрибуты должностных лиц в государстве Бохай // Комплексное изучение историко-культурного наследия Центральной Азии: сборник материалов РАЭСК LXV. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2025. – С. 225–227.
- Шаманин Д. А.** Коллективное погребение Троицкого могильника: анализ погребального обряда и инвентаря // Гуманитарные науки в Сибири. – 2026. – Т. 33, № 1. – С. 35–41.
- У Сун.** Бохай вэнхуа лайюань яньцзю и каогу цзыляо вэй чжунсинь (Исследование происхождения культуры Бохай по археологическим источникам). – Цилинь дасюэ, 2019. – 246 с. (на кит. яз.).

References

- Derevianko A. P., Kim Yeongwon, Nesterov S. P., Yu Gwangjin, Lee Gyuhun, Han Jiseon, Mylnikova L. N., Loskutova J. J., Shelomihin O. A., Park Jongseong, Lee Gyeonha.** Materialy i issledovaniya Rossijsko-Korejskoj arheologicheskoy ekspedicii v Zapadnom Priamur'e. Tedzhon: Republic Korea's State Research Institute of Cultural Heritage publ., 2010. Vol. III: Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya Osinovoe Ozero v 2009 godu. 318 p. (In Russ.).
- Derevianko E. I.** Troitsky mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, 1977. 223 p. (In Russ.).
- Derevianko E. I.** Tyurkskie ehlementy v pogrebal'nom obryade amurskikh plemen I th. A.D. In *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1978. P. 118–128 (In Russ.).
- Dobzhanskii V. N.** Nabornye poyasa kochevnikov Azii. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 1990. 164 p. (In Russ.).
- Dyakova O. V.** Bohai state: archaeology, history, politics. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2014. 318 p. (In Russ.).
- Kamalov A. K.** Tyurki i irantsy v Tanskoi imperii. Almaty: MIR, 2017. 384 p. (In Russ.).
- Korol G. G., Naumova O. B.** Artistic Metal among Nomads of Central Asia in the 1st – 2nd mill. A. D. Moscow: IA RAS Publ., 2017. 128 p. (In Russ.).
- Kryukov M. V., Malyavin V. V., Sofronov M. V.** Kitajskij etnos v srednie veka (VII–XIII vv.). – M.: Nauka, GRVL, 1984. – 336 p.
- Kubarev G. V.** The culture of the Ancient Turks of the Altai (on the basis of burials). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. 400 p. (In Russ.).
- Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S.** Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyi mir. Novosibirsk: Nauka, 1988. 225 p. (In Russ.).
- Liu Yonghua.** Zhongguo gudai juncheng fushi (Ancient Chinese Armor). Shanghai: guji chubanshe, 2003. 211 p. (In Chin.).
- Malov S. E.** Eniseiskaya pis'mennost' tyurkov: teksty i perevody. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1952. 116 p. (In Russ.).
- Mamadakov Y. T., Gorbunov V. V.** Drevnetyurkskie kurgany mogil'nika Katanda-3. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaysk: [s. n.], 1997. No. 2. P. 164–180. (In Russ.).
- Medvedev V. E.** Srednevekovye pamyatniki ostrova Ussuriiskogo. Novosibirsk: Nauka, 1982. 216 p. (In Russ.).
- Medvedev V. E.** The Jurchen Era. In *History of Siberia. Vol. 2: Iron Age and Medieval Period*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. P. 451–457. (In Russ.).
- Nesterov S. P.** The Peoples of the Cis-Amur Area in the Early Middle Ages. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. 184 p. (In Russ.).
- Nesterov S. P., Alkin S. V.** Rannesrednevekovyi mogil'nik Chaliba na r. 2-ya Sungari. In *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii*. Blagoveshchensk: Amur State Univ. Press, 1999. Iss. 2. P. 153–176. (In Russ.).
- Nesterov S. P., Maksimov S. M.** Srednevekovyi klad s r. Selemdzhi. In *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: [s. n.], 1990. P. 121–128. (In Russ.).
- Nesterov S. P., Savin A. N., Kolmogorov Y. P.** Early Medieval Jeweler's Kit from the Western Amur Region. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016. Vol. 44, No. 2. P. 81–90. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2016.44.2.081-090
- Ovchinnikova B. B.** Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X cc. Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1990. 223 p. (In Russ.).
- Shamanin D. A.** Atributy dolzhnostnykh lits v gosudarstve Bohai. In *Kompleksnoe izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya Tsentral'noi Azii: sbornik materialov RAESK LXV*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2025. P. 225–227. (In Russ.).
- Shamanin D. A.** Collective burial at the troitskoe burial ground: analysis of the funeral rite and inventory. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2026. Vol. 33, No. 1. P. 35–41. (In Russ.). doi:10.15372/HSS20260104
- Shavkunov E. V. (ed.).** Gosudarstvo Bohai (698–926) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii. Moscow: Nauka, 1994. 219 p. (In Russ.).
- Sun Xiuren, Jin Taishun.** Heilongjiangsheng hailin shishan juzi Bohai muzang (Bohai Shanzuizi Burial Ground in Hailin City, Heilongjiang Province). *Beifang wenwu*, 2012. No. 1. P. 11–26. (In Chin.).
- Sun Yuibin, Ivliev A. L., Gelman E. I., Seh Fen, Nikitin Y. G., Astashenkova E. V.** Bohaiskie drevnosti iz Primorskogo kraya Rossii. Pekin: Wenwu, 2013. 278 p. (In Russ.).
- Vasilev Y. M.** Poyasnye nabory pokrovskoi kul'tury kak istoricheskii istochnik. In *Problemy srednevekovoi arkheologii Dal'nego Vostoka: proiskhozhdenie, periodizatsiya, datirovka kul'tur*. Vladivostok: DVO AS USSR Publ., 1990. P. 122–146. (In Russ.).
- Volkov D. P., Duan Guanda, Nesterov S. P., Van Leven, Kovalenko S. V., Bao SHuguan, Savchenko T. P., Kryuchko E. I., Ge Lepin, Shulmin R. A.** Materialy i issledovaniya Rossijsko-kitajskoj arheologicheskoy ekspedicii. Vyp.1: raskopki Ust'-Ivanovskogo mogil'nika mohe v 2016 godu. – Harbin: Hejlunczyan zhen'min' chuban'she, 2019. – 366 p.
- Wu Song.** Bohai wenhua laiyan yanjiu – kaogu zi liao wei zhongxin (Study on the origins of the Bohai culture – centering on archaeological remains). Jilin daxue, 2019. 246 p. (In Chin.).
- Шаманин Д. А. <https://orcid.org/0009-0005-2664-444X>

Дата сдачи рукописи: 28.05.2026 г.